

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Иллюстрация на переплете *Ларисы Клепаковой*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Игрушка для дракона-2 / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-200062-1

Что должен делать попаданец в мире магии и меча? Ну конечно же — куда-то идти и бороться со злом. Ну а если он этого не хочет? Если все, о чем он мечтает, — играть на гитаре, любить красивых женщин, развивать свой бизнес, колдовать и вообще наслаждаться жизнью?

Увы, наши желания не всегда совпадают с планами богов, бросающих нас по жизни, как мутный весенний поток маленькую соломинку. Наслаждаться жизнью дело хорошее, вот только эту жизнь надо еще и уберечь. Как и жизни твоих близких.

Андрей Костин теперь предприниматель, торгующий редкостями. Получится у него бизнес или нет — это покажет время. Слишком много вокруг людей, которым чужой успех колет глаза. Но и Андрей не так прост, голыми руками его не взять...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200062-1

© Щепетнов Е.В., текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Я внимательно осмотрел каждый клинок — нормально, сойдет. Сделано качественно, все так, как я хотел. И стилизованная буква «К» у самой рукояти. Ну а чего? Каждый уважающий себя оружейный мастер должен иметь свой товарный знак. Типа как Фаберже. Видишь клеймо — знаешь, что вещь классная. Конечно, «пираты» могут скопировать и лепить этот значок на свои железяки, но бог им судья и народный суд. То есть имперский суд. Тут за такие дела просто удавят. Деньги-то огромные.

— Скажите, уважаемый господин, — с недоверием глядя на то, как я копаюсь в оружии, спросил мастер, — вы на самом деле считаете, что эти железки достойны *такого*? Ну... рукояти из мореного дуба, рисунок по клинку, клеймо... Кстати — что за клеймо?

Я с неудовольствием посмотрел на крепенького старичка, помолчал и с нарочито-идиотическим пафосом ответил:

— Это самые лучшие клинки, которые только можно купить за деньги! Увидите, ими будут гордиться те, кто их купил!

Старичок молча и с жалостью посмотрел мне в глаза, и на его лице было написано: «Создатель лишил его разума, так что делать? Значит, такова судьба!»

Я чуть не расхохотался, но все-таки сумел сохранить каменную физиономию. Мастер молча принял от меня деньги, дал сдачу и, спросив разрешения, приказал помощнику перетаскать железяки в коляску извозчика.

Безусловно, старик был прав. Худшего «железа» надо было еще поискать! Я буквально за гроши скупил у оружейника все дешевые клинки, которые нашел. В основном это были бэушные железки, большинство из которых сделаны из самой дешевой стали, которую только можно было найти. В основном мечи и кинжалы, из которых можно было бы сделать что-то красивое и понтовитое. Оружейник небось был счастлив, что избавился от этой дряни. На его широком, красном от жары лице было написано: «Покуда есть на свете дураки, обманом жить нам, стало быть, с руки». Этот гад хотел получить в два раза больше, но я сразу же обломал его розовые мечты, популярно рассказав, что, конечно же, развести лоха дело святое и каждый купец просто-таки обязан это сделать, но все-таки надо иметь хоть маленький остаток совести, иначе все может закончиться не очень хорошо. Нет, я не напрямую ему это сказал, а эдак мягко намекнул, из-за чего рожа прохиндея стала чуточку менее счастливой. Будто лимон лизнул. Или что-нибудь другое, чем я ему поводил по губам. Но все равно он остался доволен, так как продал свой металлолом раза в полтора дороже, чем собирался, — гарантия!

Все это железное барахло я сразу же отвез к другому мастеру, где и договорился о том, что он заменит рукоятки клинков на благородные и украсит оружие красивой гравюрой — картинки

для гравюр я нарисовал. Это были стилизованные дракончики, мне показалось забавным.

Гравировка и замена рукоятей встали мне в приличные деньги, но я не жалел — даже один проданный клинок обеспечит меня на годы вперед. Не надо жадничать в таких делах.

Всего закупил двадцать два меча и десять длинных кинжалов.

Марина ждала меня в лавке. Вернее, как ждала — она стояла на улице у входа и о чем-то горячо толковала с бригадиром, надзирающим за двумя работягами, водружавшими на свое место вывеску. Раньше на этой вывеске был нарисован мужской башмак в обнимку с женской туфлей, теперь же написано: «Лавка редкостей». Дешево и сердито.

С помощью извозчика я перетаскал оружие на склад, рассчитался с ним и отпустил. И только тогда попытался вникнуть в ту проблему, которую решала Марина.

— Ты чего шумишь? Что случилось? — тихо спросил я у нее, и девушка недовольно фыркнула, как рассерженная кошка:

— Ты только посмотри! Эти два придурка пришли на работу пьяными! От них воняет, как из трактира на празднике урожая! Мы отдали за вывеску сумасшедшие деньги, а они сейчас ее уронят и поцарапают! Ну как так можно?!

— Ну что вы, госпожа, такое говорите? — вяло трепыхнулся бригадир. — И ничего такого не будет! Парни ловкие, как обезьяны, и даже если немного выпили, все равно умеют работать! А если уронят — я вам поставлю эту вывеску бесплатно!

М-да. Зря он это сказал. Один из рабочих тут же оступился, покачнулся и... вместе с вывеской

полетел на куст, растущий у выхода из лавки. Это его и спасло. Не куст — кусту пришлось несладко. Рабочего. Тяжелая вывеска, конечно же, нанесла урон его голове, но зато куст не дал сломаться заднице несчастного. А что такое голова? Предмет темный. Поболит, поболит и перестанет. Кость же, чему там в голове болеть?

— Это я так... ради красного словца сказал! — тут же брякнул покрасневший бригадир, но было уже поздно. Новоявленная купчиха взяла его в оборот.

— Слова были сказаны! — мстительно сказала Марина. — Что, не хочешь выполнять условия сделки?! Я сейчас пойду к стряпчему и составлю иск в суд! Все слышали, как ты сказал, что если вывеску уронят, ты поставишь ее бесплатно! И я еще погляжу — вдруг краска откололась! Тогда ты будешь всю вывеску заново рисовать! Все слышали, что он говорил?

Это она зевакам, которые с удовольствием наблюдали за процессом установки вывески. Ведь нет лучшего занятия, чем наблюдать за тем, как некто не просто работает, а еще и хреново работает.

— Да! Да! — завопили базарные зеваки, и бригадир совсем сдулся и помрачнел:

— Ну, хотя бы половину заплатите... хоть на опохмел! Вчера у парня день рождения был, вот и приняли лишнего. Сейчас все сделаем!

— Я еще погляжу — что там с краской! А то и должен останешься! — зловеще зыркнула Марина, и сейчас она была похожа не на красивую молодую женщину, о которой мечтает любой половозрелый человек мужеска пола, а на легендарную Горгону Медузу. Прекрасную и злую, как десять чертей.

Я не стал дожидаться развязки, пошел в лавку. Пусть Марина воюет, такое ее купеческое дело! А я так... на побегушках. По крайней мере, до поры до времени роль моя такова.

Для всех — главная тут Марина. Истину знают немногие — стряпчий, например, но он вроде как не из болтливых, и я заранее его предупредил, чтобы не распространялся насчет моей истинной роли в приобретении лавки. Даже денег за это ему дал.

Внутри все было перестроено. Стены обили темной тканью, поставили магические светляки, которые подсвечивают эти самые редкости, которые собираемся продавать. Прилавок перегораживал комнату на две части, и чтобы добраться до Марины, стоявшей за прилавком, нужно было пройти через калитку. Войти, ухватить что-то и убежать тоже не получится. Дверь, когда входит покупатель, запирается дистанционно. Как оказалось, такие запоры стоят у всех торговцев ювелирными изделиями, так что не пришлось заморачиваться, выдумывая велосипед. Вошел, Марина тянет за рычаг, в дверь вдвигается здоровенный металлический штырь. И никакой тебе магии!

Да, существует опасность нападения на продавца — захватят, попытаются заставить открыть дверь. Но и этот случай я постарался предусмотреть: как только Марина почувствует опасность, она прыгнет за дверь, ведущую в комнаты отдыха и склад, захлопывает ее, отрезая нападающего от своей персоны, и уже оттуда другим рычагом блокирует первый рычаг. Все! Ловушка захлопнулась!

Окон в помещении нет, а двери усилены мной так, что их вряд ли можно было бы разбить даже из

гранатомета. Я использовал магию земли, уплотняя деревянные дверные пластины, и это дерево не поддастся даже моим клинкам, не то что каким-то там простым топорам или кувалдам. Даже мои модифицированные клинки будут расковыривать дырку в двери не менее чем пару часов. А за это время я сумею организовать супостатам достойную встречу. Главное, чтобы Марина сумела выбраться через заднюю дверь, которую пришлось проделать в тыльной стене.

Конечно, как и всегда бывает, нет стопроцентной гарантии в том, что разбойники, если таковые найдутся, не заблокируют лавку со всех сторон. Они по определению идиоты, но среди них попадаются и головастые ребята, которые потом, со временем, становятся эффективными менеджерами и депутатами. Впрочем, это уже другая история.

Почему разбойники почти всегда идиоты? Да потому, что в большинстве своем банды состоят из неудачников, неспособных заработать деньги на безбедную жизнь. И кроме того — только идиот может думать, что грабежами и разбоями можно нажить капитал. Как я некогда читал про пиратов, они жили не более двух лет. Потом их или ловили и вешали, или просто топили в море. Исключения вроде Моргана и иже с ним только подтверждают это правило.

Лавку я превратил в нечто подобное доту или огромному сейфу. Без разрешения хозяев в нее нельзя было войти и нельзя лавку покинуть.

Склад, который оказался довольно-таки большим, превратил в подобие мастерской. Поставил окованный жестью стол, на котором имелись тиски, повесил магические фонари, ярко освещавшие

помещение. Здесь имелось все нужное для того, чтобы без помех магичить и при этом не сжечь дотла всю лавку. И вытяжку сделал над столом — большую дыру, закрытую решеткой и люком, поднимаемым изнутри.

Все переоборудование заняло у меня неделю и выбило довольно-таки приличную сумму из моих невеликих капиталов. От них теперь осталось всего пять золотых (в пересчете на медяки и серебро), так что если я в ближайшую неделю не продам хотя бы одну вещь... в общем, нам всем придется потуже затянуть наши пояса. Всем — это мне, Марине и ее дочке Анни, которая лопала все подряд, как прожорливый снегоуборщик.

С того дня как я купил лавку и заключил договор с Мариной, прошло десять дней. Все это время мы с моей бизнесвумен провели в бегах, обустривая рабочее место и закупая товар. Домой приползли усталые, потные, и нам было совершенно не до любовных страстей. По крайней мере — Марине. Она и не заикалась о том, что пора бы исполнить свое обещание и допустить ее в мою постель. Ну а я не настаивал, дожидаясь, когда женщина сама сделает первый шаг. Потом, все — потом! Первым делом лавка, «ну, а девушки, а девушки потом!».

Впрочем, мне самому было не до любовных игр. Как оказалось, работа с магией отнимает столько сил, что это равносильно тому, как если бы я весь день с рассвета и до заката разгружал вагоны. Откуда знаю? Да был в моей жизни такой факт... подрабатывал грузчиком. И только лишь скажу, что за эту работу так просто деньги не платят.

Только представить, что мне пришлось обойти всю лавку и укрепить магией каждый сантиметр ее

поверхности, и все сразу станет ясно. Оказалось, что работать с металлом гораздо легче, чем с деревом или камнем. Дерево и камень — это хаос, а упорядочить хаос задача не то чтобы сложная... она почти невозможная. Как уплотнить дерево, чтобы оно сохранило вид дерева, но стало тверже стали? Как уплотнить камень, не разрушив кладку и не уменьшив его объем? Как работать с уплотнением дерева так, чтобы оно просто не вспыхнуло? Я, когда модифицировал ножи, убедился, что любое уплотнение материи вызывает высвобождение тепловой энергии. И стоит мне хоть немного ошибиться с той же дверью — получу вместо нее фонтан огня. Черт с ней, с дверью, — новую поставлю, но как объясню то, что с ней случилось? С чего она друг вспыхнула?

Да, пришлось попотеть, чтобы поскорей начать зарабатывать деньги.

Ну да, я могу пойти в трактир и заработать на жизнь своей игрой на гитаре, но пока что в этом необходимости нет, а светиться без нүжды я не хочу. Раз уж решил уйти в тень, спрятаться от настырной девчонки, желающей залучить меня в свои мужья, значит, так тому и быть. Иначе на кой черт я все так хорошо продумал и осуществил? Нет, не обольщаюсь — в конце концов папаша Мори меня найдет, но к тому времени я буду самостоятельным, обеспеченным идалго, и он не будет разговаривать со мной снисходительно-свысока. Надеюсь, что ни он, ни его дочка не затаили на меня обиды. Обиженная, оскорбленная в своих чувствах женщина — страшный враг. Особенно если у нее имеется богатый папа, за годы своей

работы обложившийся десятками и сотнями полезных связей.

* * *

За эти десять дней Анни стала ходить, да не просто ходить, а бегать, как шаловливый щенок. Носилась по всему дому, как ураган, и уже ничем не напоминала ту несчастную девочку, лежавшую на постели и смотревшую на мир с укором больного ребенка: «За что мне такое?!» Она пополнела, окрепла и теперь спокойно оставалась дома и даже пыталась помогать матери по кухне. Раскатывала с ней тесто, резала начинку для пирожков, варила бульон. На удивление умная и развитая девочка. Когда я с ней говорил, у меня было ощущение, что говорю с девятиклассницей — настолько она была рассудительной и деловой.

— Дядя Роб, а почему ты нам никогда не играешь на баларде? — Анька испытующе и строго посмотрела на меня. — Это нехорошо!

Смотрю на девчонку и чувствую — да, нехорошо! Ну вот как так? Сегодня у нас почти выходной — мы приехали домой не к ночи, а часа в четыре дня. Имеем право! А раз выходной — значит, должна быть музыка.

— Согласен, — так же серьезно киваю я. — Виноват! Буду исправляться. Пока твоя мама разогревает нам ужин, я вам поиграю.

— Вот! — Анька поднимает указующий перст, целясь им в потолок. — Мама всегда говорит, что если что-то плохое сделала, надо признавать свою ошибку. Это уже половина прощения!

Я фыркаю, смотрю на спину Мари, которая возится у плиты, разжигая огонь. Спина подозрительно вздрагивает, и похоже, что не от плача.

— Ты маленькая зануда, — улыбаюсь я. — И я не завидую твоему будущему мужу. Ты ему все мозги съешь!

— И чего это я буду ему мозги есть? — задумчиво говорит Анька. — И вообще, дядя Роб, с чего ты взял, что жены едят мозг мужа? Хотя... мама как-то сказала, что есть такие безмозглые мужчины, что непонятно, как они вообще живут без мозга. Наверное, им попались жены, которые едят мозги.

Спина уже не вздрагивает, она дергается, и я слышу сдавленное сопение и хрюканье. М-да...

— И вообще, с чего ты взял, что у меня будет какой-то муж? Я выйду замуж за тебя.

— Что?! — ахаю я. — И вот даже не надейся! Ты не только мне мозги съешь, но и кровь всю выпьешь!

— Кровь? — задумчиво протянула Анька. — Хмм... интересно. Жалко, что у меня книжек мало. Я бы почитала про кровь. Может, она вкусная?

— И вообще, с чего ты решила, что я возьму тебя в жены, козявка ты эдакая?!

— Ну, сейчас козявка, да... но лет через десять я буду взрослая, — рассудительно заметила Анька и сунула палец в ноздрю, то ли почесывая, то ли доставая козюлю, из-за чего следующие ее слова получились слегка гнусавыми. — Ты красивый, сильный. Маму ты в жены брать не хочешь — она мне сама сказала. Так что никуда не денешься — мы с тобой поженимся.

Спина перестала вздрагивать, и раздался явственный «ой!».

— Я буду красивая, как мама. — Анька что-то такое достала из носа и пристально это разглядывала. — Ты влюбишься и женишься. А мама будет бабушкой!

— Нет! — резко говорю я, хмуря брови. — Ты козюльки прилюдно достаешь! И кидаешься ими! Невоспитанная! Потому не женись на тебе.

— Ну... — протянула Анька, скатывая нечто в шарик. — Что мне теперь, есть их, козюльки эти? И вообще, дядя Роб... по-моему, ты не знаешь, почему люди женятся. Думаешь, только потому, что невеста не достает козюльки? Рассказать тебе, зачем женятся?

— Эмм... — не нахожусь я что сказать, а от плиты слышится сдавленный хохот. — Я у твоей мамы спрошу. И вообще, откуда ты столько знаешь о женитьбренных делах?

— Книжку читала. Мама рассказывала. Я ее спросила, она и рассказала. Интересно же!

Я молча повернулся и пошел из кухни. Уже когда подходил к своей комнате, издали послышался тихий голос Марины — она что-то выговаривала Аньке, а та ей громко отвечала что-то вроде: «И чо?! Ну и чо?! Ну а чо он?! И чо я?»

Потом я им играл. Играл все, что знаю, все, что умею. Играл хорошо, в полную силу. Вначале не собирался этого делать, мол, поиграю чуток, пальцы разомну (давно не играл), ну и хватит. Но втянулся, и пальцы забегали по струнам, и начал вкладывать в игру все эмоции, которые содержались в песне. А гитара-то моя непростая! Это же магический артефакт, передающий эмоции!

Опомнился, когда увидел, как мать и дочь плачут, сидя рядом друг с другом на стуле. Я им как раз

пел песню о двух братьях, ушедших в наемники (на Земле слышал, в инете), про то, как они погибли, убив друг друга, и лежали мертвые на поле боя. Так вот, мои девчонки начали рыдать. Пришлось им спеть песню про зайцев (да, тут самую, никулинскую), а потом спел совершенно идиотскую песню, которая некогда поразила меня своей простой и... тем, как она сумела зацепить такое количество народа. Когда я посмотрел ее на Ютубе, у нее было двенадцать миллиардов просмотров (двенадцать, Карл!). «Я акула, мама моя акула, папа акула, вся моя семья акулы, и мы охотимся. Берегитесь, рыбки!» — и ВСЕ! Черт подери! Двенадцать миллиардов!

Мне интересно было, как на ЭТО отреагирует Анька. Перевести «песню» — как два пальца об асфальт. Мелодия вирусная. Ну-ка, что получится?

А получилось вот что: Анька вначале вытаращила глаза, раскрыла рот, глядя на меня, как на чудо, а потом начала повизгивать, подпрыгивать и подпевать. Мотив она схватила молниеносно, слова запомнить раз плюнуть, так что...

В танец пустились обе — и мама, и дочка, держась за руки, кружились, хохотали, а я играл и пел, изображая голосом то папу-акулу, то маму, то бабушку. Меня самого разбирал смех, когда я смотрел на эту счастливую парочку.

А потом мы ужинали. Ужин купили в трактире, я настоял. Готовить некогда, а кормят тут в трактирах дешево и вкусно, и пожалуйста — сколько хочешь бери на вынос. И пироги, и похлебку, и сладости. Да, сладости — как всегда купил Аньке пирожное. И как всегда — не такое, какое покупал вчера. Это тоже что-то вроде игры — она ждет, гадает, какое же пирожное в этот раз купит дядя

Роб?! А мне хоть какая-то отдушина в жизни, как с котенком поиграл. Сплошной позитив. Ну не все же время угрюмо зарабатывать деньги и думать о том, как бы выжить? В жизни должно быть место и радости, иначе на фига такая жизнь?

* * *

Марина сидела за столом, подперев подбородок руками, и смотрела в окно. Ночь. За окном темно, и только в конце улицы светится одно окошко — там живет пекарь Нелан, для него нет ночи и дня. Ночью он месит тесто, печет хлеб и пироги, чтобы жена и дочь утром их продавали в лавке. Тяжелая работа. Марина знает, она иногда ему помогала. Платит он мало, но к плате дает еще и пирог. Правда, работа у него перепадала нечасто. Обычно ему помогает родня. Марина подозревала, что приглашал он ее иногда только для того, чтобы подкормить. Хороший человек Нелан.

Все остальные спят — спит улица, спит город. Спит дочка Анни, которая чудом встала на ноги. Спит и Чудо, которое прислал к ней Создатель. Ангел во плоти, который спустился на землю, чтобы спасти и Марину, и Анни.

Когда Марина увидела его впервые, она просто обмерла. Молодой, красивый, он смотрел на нее так доброжелательно, так хорошо, что Марина сразу поняла — этот не обидит. Нет, она чувствовала его интерес к ней как к женщине, но опасности от него не исходило. Она научилась чувствовать людей за годы мытарств и лишений.

А потом все закружилось, понеслось вскачь, как взбесившаяся лошадь. Оглянуться не успела, а уже стала важной купчихой, которая сидит в лав-

ке и командует строительными рабочими. А ведь прошло всего ничего — какие-то две недели!

Кто он? Откуда взялся? Зачем он здесь? Марина не знала, и не сказать чтобы не хотела узнать, только ужасно боялась, что это знание будет для нее неприятным. Лучше так — у них договор и они вместе работают.

Она со стыдом вспоминала то, как Роб оттолкнул ее от себя. Марина тогда будто сошла с ума, ей так захотелось мужской ласки, что она не смогла сдержаться и повела себя как последняя шлюха. И при воспоминании об этом у нее горели щеки. И вот теперь, сидя за столом, Марина сгорала от желания отправиться в постель к своему (да, да! своему!) мужчине и боялась — а вдруг оттолкнет? Вдруг воспримет это за желание привязать его к себе? Он ей четко и ясно сказал: на брак пускай не рассчитывает. Оно и понятно — зачем ему, красивому, молодому, богатому и родовитому магу, какая-то несчастная вдовушка с «довеском» на руках? Она старше его, а еще — нищая и уже измотанная тяжелой работой женщина. Нет, Марина ему не пара.

А сейчас она вспоминала годы, прожитые с покойным мужем, и думала — что бы тот сказал, если бы узнал, что жена мечтает о чужом мужчине? О молоденьком мальчике, которого божьим ветром занесло в их дом? И ей хотелось плакать. Она чувствовала себя предательницей.

А потом Марина встала и, не зажигая света, пошла туда, куда и хотела, тихо, очень тихо ступая босыми ногами.

Дверь в спальню открылась бесшумно. Запор имелся, но Роб никогда не запирает дверь. Марина дважды приходила к нему ночью, открывала дверь,